

RU

Массовая музыка и метаморфозы эстетических категорий возвышенного и прекрасного

Горячева Т. А., Штенникова Е. Г.

Аннотация. Цель исследования – обозначить проблему изменения содержания эстетических категорий возвышенного и прекрасного в массовой музыке. Научная новизна: впервые посредством исторического и герменевтического методов на массовую музыку были экстраполированы идеи Т. Адорно, Р. Барта, М. Фуко, вызвавшие существенные изменения смысловых полей рассматриваемых категорий. Определено новое качество их воздействия на сознание массового слушателя, провоцирующего ряд социальных последствий. В результате исследования было установлено, что категории возвышенного и прекрасного в массовой музыке сегодня утратили позицию эстетической ценности, ориентира для массового сознания. Понимание культурно-исторического смысла массовой музыки можно сформулировать как гедонизм иллюзий и иллюзия гедонизма.

EN

Mass Music and Metamorphoses of Aesthetic Categories of Sublime and Beautiful

Goryacheva T. A., Shtennikova E. G.

Abstract. The article raises the problem of transformation of the aesthetic categories of sublime and beautiful in mass music. Scientific originality of the study lies in the fact that relying on historical and hermeneutic methods, the authors for the first time apply theoretical conceptions by T. Adorno, R. Barthes, M. Foucault for an analysis of mass music. These conceptions lead to substantial changes in meaning of the categories under study. The paper reveals features of their influence on mass consciousness, which provokes social consequences. As a result, the authors conclude that nowadays, the categories of sublime and beautiful in mass music have lost their status as an aesthetic value, landmark for mass consciousness. Cultural and historical meaning of mass music can be defined as hedonism of illusions and illusion of hedonism.

Введение

Проблеме музыкального содержания, эстетическим и нравственным ценностям музыкального искусства посвящен ряд работ [1; 2; 4; 14-16]. В них авторы исследуют сущностную и смысловую природу, типологию музыкального содержания. Авторы данного исследования акцентируют свое внимание на вопросе метаморфоз содержания категорий возвышенного и прекрасного в массовой музыке и их этической направленности. Актуальность исследования обусловлена очевидным фактом изменения ценностных ориентиров художественного сознания, вольно и невольно подвергаемого влиянию массовой аудиопродукции, распространяемой телевидением и аудиовещаниями средств массовой информации (далее – СМИ).

Задачами исследования являются:

1. Рассмотрение содержания актуальных «заместительных» метаморфоз категорий возвышенного и прекрасного в массовой музыке и их этической направленности посредством комплекса герменевтического и исторического методов.
2. Выявление сущностных характеристик массовой музыки в общем контексте современной художественной среды методом музыковедческого анализа.
3. Определение места и значения категорий возвышенного и прекрасного в массовой музыке последней четверти XX и начала XXI века.

Основные методы. Статья совмещает методологию эстетики с методами истории и теории музыки. Феномен обновлённого содержания эстетических категорий возвышенного и прекрасного конституируется на основе эстетико-музыковедческого анализа массовой музыкальной продукции – носителя историко-культурного

смысла. Исторический метод рассматривает массовую музыку в общем контексте современной художественной среды как звуковую объективацию её ценностей; герменевтический метод исследует разновременные интерпретации содержания музыки.

Теоретическую базу исследования составили феноменологическая концепция слоёв художественного произведения Н. Гартмана [7], интонационная теория музыки Б. Асафьева [3], теория музыкального содержания В. Холоповой [15]. С этих позиций комплексно осмысливается феномен изменившегося содержания категорий возвышенного и прекрасного.

Практической значимостью работы является расширение и переосмысление существующих представлений о содержании эстетических категорий возвышенного и прекрасного в современной музыкальной практике. Результат работы может использоваться при подготовке лекционных курсов по следующим дисциплинам: философия музыки, история музыки, история хоровой музыки, музыкальная эстетика, культурология, история искусств.

Неклассическая философия представляет искусство и философию своеобразными полюсами духовной культуры. Искусство – художественный образ мира, в создании которого участвует музыка. Философия – рациональная модель мира, где музыка – составляющий элемент. Образ и модель гармонично сочетает философия музыки. В ней понятия образа и модели являются ракурсами рассмотрения единого жизненного мира.

Исторические предпосылки метаморфоз содержания категорий возвышенного и прекрасного

Музыка – искусство особо общительное, что отмечал ещё Кант, младший современник Баха, Генделя, Вивальди и старший – Гайдн, Моцарта: «...музыке не хватает учтивости, она навязывает себя» [2, с. 59]. В XX веке та же мысль у Ж. Кокто: «Осторожно, среди всех искусств только музыка крутится возле нас сама» [12, с. 7]. Сегодня вездесущность музыки вызывает вопросы: является ли эстетическим событием восприятие всех видов музыки? Насколько сохраняется ценностное содержание шедевров прошлого в современных разностильных обработках (джаз, рок, поп), если эстетическая категория, определявшая их смысловую константу, в массовом сознании существенно изменила своё содержание?

Прозорливо замечание Т. Адорно о том, что массовая музыка не ведаёт истории и всегда существует только «сегодня» [1]. Массовая музыка нашего «сегодня» демонстрирует существенные метаморфозы содержания эстетических категорий возвышенного и прекрасного. В Средневековье эти категории относились к этическим ценностям, обозначая божественное, возвышенно-прекрасное. В богослужебном пении их содержанием являлось бесстрастие, умиротворение, представленное в мелодиях грегорианского хора, византийского распева. Критерием совершенства древних унисонов было надличностное и надчувственное. Сегодня оно, по мнению В. Шуранова, понимается скорее, как особая энергия одухотворения и художественного преображения [16, с. 25]. Искусство, в особенности музыка, природно дистанцированная от предметности, осталось одним из немногих средств его достижения. Стремление к надличностному, составлявшее основу ценностно-смыслового содержания возвышенного, стало сегодня граничить с содержательным полем категории «художественности», сложного, синтетического феномена, объединившего и ценностный смысл, и искусственность – способ воплощения, то есть композиторскую технику.

Понятие возвышенного как олицетворение идеала и стремления к нему присутствовало в искусстве неизменно. Изменчивым оказалось понимание его содержания человеком, обусловленное изменением типов взаимодействия человека и мира. Средневековье в стремлении преобразить всё предметно-чувственное сообразно идеалу ограничивало чувственность человека, ориентировало его на осознание идеальных основ бытия, понимаемых тогда явлениями объективными, онтологическими. Новое время пересмотрело представления об объективной реальности таких атрибутов возвышенного, как Истина, Добро, Красота, отведя им роль феноменов человеческого сознания, реальности субъективной и, следовательно, относительной, но сохраняющей возможность возвышенно-надличного понимания. Ценностный критерий содержания возвышенного получил и социальную окраску как возвышенность подвига на благо общества, верности гражданскому долгу любой ценой и т.д.

Выражая дух времени и его звуковой идеал, возвышенное в Новое время обнаружило внутри себя противоречие, обозначившее разделение духовного пространства на знание и веру. В стремлении к богоуслужливости, выраженном через искусность и мастерство композиции, музыкальное искусство было осознано как земное искушение «прелестью». Но духовное стремление молящегося к сверхчувственному парадоксально одухотворяло его чувственность, открывая дорогу для проникновения в его сознание категории прекрасного, свободного от диктата религиозной этики, модулирующего в сторону гедонизма. Этот вектор развития музыки Возрождения определил всё развитие светской профессиональной музыки Европы в XIX и XX веках. Проникновение гедонистических идей в орис-музыку XVI-XVII веков не свело её функциональность к чувственному наслаждению. В отличие от музыки Латинской Америки, Африки, обладающей «культурой ограниченного гедонизма», она смогла сохранить эстетический идеал прекрасного и возвышенного [8, с. 197; 13].

«Смерть бога», провозглашённая Ницше, просто десакрализовала категорию возвышенного и перевела её в разряд эстетических, сделав атрибутом искусства. Сохранять «чистоту возвышенного» [1, с. 25] пытался музыкальный авангард XX века. В противовес потоку массовой музыки, постепенно размывавшему духовную составляющую и превращавшему музыкальное искусство в арт-деятельность, орис-музыка авангарда выражала своё содержание наиболее сложными способами, обогатив музыкальное пространство композиторскими

техниками додекафонии, алеаторики, сонористики и т.д. Отказ *opus*-музыки авангарда от привычной тематической эмоциональности также поспособствовал повороту огромной части слушателей к поп-музыке, наладившей «производство» продукта легко воспринимаемого, механически воспроизводимого, заменившего сложный процесс коммуникации слушателя с музыкой её пассивным потреблением. Следствием этого стало снижение и размывание критериев художественности.

Характеристика массовой музыки в общем контексте современной художественной среды

Единство музыки, существовавшее почти до середины XX века, расколосось, образовав два полюса. Первый – музыкальное искусство как «целесообразность без цели»; второй – коммерческая музыкальная деятельность – шоу-бизнес, исключивший из своей сферы часть фундаментальных принципов искусства [5, с. 336], заменивший мимесис, идеализацию, символизацию конструированием на основе коллажа-монтажа. Его ценностные критерии – коммерческий успех, мода, актуальность – оказались весьма далеки от понимания искусства как выражения неких общезначимых, духовно-объективных смыслов. Понятие возвышенного, исторически связанное с духовной музыкой, вступило в фазу стагнации, ограничившись полем *opus*-музыки. Возвышенное стало категорией ретроспективной, сохранившись духовной потребностью человечества. В массовой музыке общества потребления обязанности возвышенного начали выполнять многочисленные стилизации, ремиксы, ремейки, каверы.

Использование тематизма *opus*-музыки нашло отклик у массовой аудитории, отчего ряд исполнителей стали специализироваться в этом направлении. Каверы создают из тем оперных арий, симфоний, инструментальных концертов, помещаемых в чуждый контекст, меняющий, а порой и разрушающий их изначальный смысл – содержание, объективированное звуком. Сегодня «шлягеризация» активно вторгается в академическую музыку. Знакомство молодёжи с музыкой И. С. Баха, А. Вивальди часто начинается с кавера или ремикса, существенно изменивших оригинальное содержание первоисточника и создающих о нём превратное представление. «Бахизмы», выделяемые слухом из музыкального текста, льстят потребителю иллюзорным ощущением приобщенности к высокой культуре. Для массовой музыкальной продукции стилизация, цитата стали способом уподобиться музыкальному произведению.

Философия европейского музыкального искусства базируется на кантовском взгляде, выраженном в понимании прекрасного как рожденного из отношения субъекта к объекту. Рассуждая о прекрасном, он отмечал, что оно появляется на грани удовольствия от игры воображения и рассудка через радость самовыражения [2, с. 62]. Его оценка прекрасного никак не связана с телесным удовольствием и, тем более, корыстной выгодой. Но доступна ли эстетическая рефлексия как игра интеллекта субъекту только «потребляющему»?

Место и значение категорий возвышенного и прекрасного в массовой музыке последней четверти XX и начала XXI века

Сегодня привычка потребления отодвинула практику самостоятельного любительского музицирования как способа самовыражения (романс, танцевальная, камерная музыка, массовая песня). Главным продуктом потребления стал шлягер, «рассчитанное слабоумие» (термин Т. Адорно) которого исключает художественную, эстетическую рефлексю. Имея статус музыкального произведения, шлягер отверг традиционное понимание художественной ценности как меры индивидуального, неповторимого. В нём нет, в отличие от музыкального произведения, пространства для работы воображения слушателя. От музыки как «искусства интонируемого короля» (термин Б. Асафьева) он отвлекает ярким видеорядом – роскошным платьем отсутствующего короля [3]. Проверить самодостаточность музыкального «остатка», исключив визуальные выразительные средства – свет, экстравагантную костюмерию, кордебалет – до сих пор никто не решился. Шоу-бизнес в своём продукте вообще снял проблему смыслового и ценностного содержания, касающуюся вопросов бытия человека. Духовная, эстетическая деятельность уступила место демонстрации разнообразия способов и техник презентации музыкального продукта, критериями оценки которого стали мода, актуальность, коммерческий успех, вызвавшие метаморфозы прекрасного в поп-музыке.

Они начались со сближения категории прекрасного с понятием «звёздности», имеющем совсем иное смысловое поле, исключаящее саму возможность восприятия эстетического события как повода для художественной рефлексии. Составляющие «звёздности» – ток-шоу, интернет-сообщества фанатов – части и элементы социума, утверждающие в ходе плюрализации художественно-публичного пространства своё право считать нечто прекрасным. Продолжились метаморфозы прекрасного обретением им специфических атрибутов телесности: соблазнительности, сексуальности, эффектности, гламура и т.д. Личность композитора, исполнителя как источника музыкально-эстетического события вытеснило тело с акцентированной сексуальной составляющей. Следствие – дегуманизация сексуального. Итогом таких метаморфоз стало утверждение этически отрицательной коннотации красоты – эффектности. Антагонизм красоты и пошлости, очевидный на первый взгляд, потерял свою остроту, начал размываться. Эффектность стала ассоциироваться с прекрасным, заменив его истинный смысл на дегуманистический [11, с. 231]. Массовая музыка сегодня актуализирует размышления К. С. Пигрова о Тексте как способе властвования и технике осуществления власти [13, с. 5].

Шлягер, как пример музыкального текста, демонстрирует этот способ в действии. Техниккой осуществления им власти становится мода, материальное проявление духовного инфантилизма. Следуя ей, человек попадает в зависимость, создающую иллюзию свободного выбора.

Прекрасное, как и возвышенное, этически сомнительным быть не может. Массовая музыка сегодня перестала быть «игровой площадкой» (термин Г. Гадамера), заполняемой, по зову автора, для игры творческих способностей воспринимающих [6]. «Зов» есть, а игры способностей – сознательного, созидательного внимания и понимания – нет. В итоге, продукция шоу-бизнеса – феномен, который слушают, не слыша, и смотря, не видя. Это наглядный и весьма тревожный показатель изменений типа сознания и слухового восприятия. «Составные части любого искусства таковы: чувственное впечатление, чувство, мысль. Если нет одного из этих факторов, это уже не искусство» [9, с. 135]. Мысль Ф. Грильпарцера, высказанная в 1841 году, своей актуальности не потеряла и сегодня.

Поп-музыка не ограничивает свое бытийное существование лишь видимым присутствием. Она прочно заняла свое место в общественном сознании, оказывая на него глубокое влияние, поэтому возникает необходимость в объективной оценке результатов этого влияния и воздействия. Сегодня в лексиконе подавляющего большинства потребителей массовой музыки, сохранившем понятие «прекрасное», его смысл потерян. Сущность красивого, прекрасного, возвышенного в СМИ сводится к примитивному удовольствию и душевному конформизму. СМИ фактически уравнили человека-субъекта и объект, поп-музыку, нивелировав его индивидуальность. Коммуникативная функция массовой музыки агрессивно наступает, вытесняя функцию смыслообразующую. Нет перехода от тела к духу, преобразования низшего в высшее, «идеации». Вместо этого предлагается огромный замещающий музыкальный мир, где целенаправленно снимаются вопросы смысла бытия, проблемы этические, эстетическая рефлексия. Происходит подмена и размывание устоявшихся вечных ценностей на весьма сомнительные с позиции морали и нравственности. Личность при этом обезличивается и превращается в персонаж, действующий по заказанному сценарию и только в рамках действующего в нем закона драматургии. Соглашаясь на предлагаемые массовой музыкой условия реальности, личность массовой культуры облачается в некий виртуальный образ.

Заключение

Современная массовая музыка гедонистична и измеряема общединамической шкалой (подъём-спад; напряжение-разрядка). Оно общедоступно, индифферентно к этическим понятиям истины, добра, зла и на время своего действия создаёт иллюзию социальной взаимности, становясь экзистенциалом культуры постмодерна, «сладким трансом счастья» (М. Кундера), маскирующим разрыв разума и плоти [10, с. 7]. Подобное удовольствие смешивает и смещает ценностные ориентиры, способствует маргинализации социального быта, юродству поведения. Оно – признак негативизма, элиминации понятия духовной ценности. Массовая музыка обратилась к первичной детской инфантильности, утратив мысль и память.

Рассмотрение метаморфоз содержания возвышенного и прекрасного в массовой музыке, заявленное целью проводимого исследования, привело к следующим обобщениям и выводам:

1. Массовая музыка преимущественно связана с топосом удовольствия. Её гедонистическая сущность в культурно-историческом значении сформулирована как гедонизм иллюзий и иллюзия гедонизма.

2. Категории возвышенного и прекрасного сегодня утратили доминирующие позиции, влияющие на массовое сознание, чему способствует высокая степень релятивизма эстетических суждений и оценок как в СМИ, так и в профессиональной среде. Содержательная сторона рассматриваемых категорий в массовой музыкальной культуре заметно оскудевает, размывая собственные границы жизненного пространства.

3. Изменение традиционного ценностного содержания категории музыкального искусства, размывание в оценках и критериях определения прекрасного и возвышенного, вероятно, приведет к новой культурной парадигме, где остовом станет внехудожественный центризм с собственной периферией. Лёгкая возможность доступа к музыкальной культуре прошлого и настоящего парадоксально оборачивается в массовом сознании потерей понимания их эстетической и этической ценности. Прекрасное сегодня перестало перебрасывать мост через пропасть, разделяющую идеальное и реальное.

Современная массовая музыкальная культура находится в проблемной ситуации, что позволяет определить перспективу дальнейшего исследования: преобладающее развитие и всеприсутствие поп-музыки – очередная историческая попытка эстетизировать обыденную жизнь, подчинённую жёстким рамкам стандартизации и цифровизации. Подобный революционный процесс уже наблюдался в музыкальном искусстве раннего Возрождения.

Список источников

1. Адорно Т. Философия новой музыки / пер. с нем. Б. Скуратова. М.: Логос XXI век, 2001. 352 с.
2. Акиндинова Т. А. Актуальность прекрасного: эстетика Канта накануне XXI века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения». 2001. Вып. 1. С. 59-63.

3. Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. Л.: Музыка, 1971. 376 с.
4. Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
5. Бычков В. В. Эстетика. М.: Гардарики, 2002. 336 с.
6. Гадамер Г. Актуальность прекрасного / пер. с нем. А. Михайлова. М.: Искусство, 1991. 368 с.
7. Гартман Н. Эстетика / пер. с нем. Т. С. Батищевой, А. В. Дерюгиной, Е. В. Касьяновой, М. К. Мамардашвили. К.: Ника-Центр, 2004. 640 с.
8. Горячева Т. А. Гедонизм иллюзий - иллюзия гедонизма // Миромоделирование: гуманитарные и художественные процессы в общественной жизни: материалы научной конференции «Духовное и материальное наследие в художественной культуре народов Западного Приуралья» (г. Ижевск, 16-18 апреля 2008 г.). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2009. С. 197-200.
9. Грильпарцер Ф. Речи, рецензии // Музыкальная эстетика Германии XIX века: в 2-х т. / под ред. Н. Г. Шахназаровой. М.: Музыка, 1982. Т. 2. С. 135-136.
10. Кундера М. Книга смеха и забвения: роман / пер. с чеш. Н. Шульгиной. СПб.: Азбука-классика, 2006. 252 с.
11. Левонтина И. Осторожно, пошлость // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / сост. Н. Арутюнова. М.: Индрик, 2004. С. 231-250.
12. Михелис П. Эстетические категории как выразители духа времени // Современная западноевропейская и американская эстетика: сборник переводов / под общ. ред. Е. Г. Яковлева. М.: Университет, 2002. С. 7-12.
13. Пигров К. С. Шёпот демона: опыт практической философии. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2007. 88 с.
14. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. 448 с.
15. Холопова В. Н. Три стороны музыкального содержания // Музыкальное содержание: наука и педагогика: материалы I Российской научно-практической конференции (г. Москва, 4-5 декабря 2000 г.). М. - Уфа: РИЦ УГИИ, 2002. С. 55-76.
16. Шуранов В. А. Основы художественности музыкального произведения. Анализ и интерпретация. Уфа: УГИИ, 2018. 209 с.

Информация об авторах | Author information

Горячева Татьяна Анатольевна¹, к. филос. н., доц.

Штенникова Елена Геннадьевна², к. пед. н., доц.

^{1,2} Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Goryacheva Tatyana Anatolyevna¹, PhD

Shtennikova Elena Gennadievna², PhD

^{1,2} Udmurt State University, Izhevsk

¹ mursuc@yandex.ru, ² elenst75@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.02.2021; опубликовано (published): 09.04.2021.

Ключевые слова (keywords): неклассическая философия; массовая музыка; музыкальная эстетика; эстетические категории (прекрасное и возвышенное); гедонизм; non-classical philosophy; mass music; aesthetics of music; aesthetic categories (sublime and beautiful); hedonism.